

Степан Михалков: В ресторане своя драматургия отношений

Один из отпрысков Вертиных-Михалковых не стал ни певцом, ни актером, ни режиссером. Впрочем, он не единственный выходец из артистической среды, посвятивший себя кино- и ресторанным бизнесу.

— В книге мемуаров вашей бабушки Лидии Владимировны Вертиной, которую осенью выпустит «Вагриус», есть такое определение: планета Вертиных. А вы являетесь наследником и другой творческой династии — Михалковых. Как складывалась ваша жизнь на таком непростом перекрестке?

— Если твои родители — Никита Михалков и Анастасия Вертина, многим соблазнительно упрекнуть тебя в легкости пути, в блаженстве. Но именно «по благодати» в 18 лет меня отправили не в теплые местечки, а в края довольно отдаленные, для срочной службы в морском флоте — на год больше, чем у армейцев. Правда, тогда я и сам этого хотел, не переживал — казалось, так много времени впереди!

— И где же служили?

— Попал я в морчики погранвойск, базирующиеся в дальневосточной Находке. С 1985 по 1988 год ходил на катере, который гонял японских браконьеров из нашей морской двухсотмиллионной экономической зоны, какую потом отменил Ельцин. Эти не имеющие права работать в наших водах шхуны приходили ловить кальмаров, крабов. Их капитаны, выражаясь современным языком, были вроде гендиректоров на подряде: сколько у нас с эдаким риском поймали — столько и продали в Японии. Для того чтобы захватывать их суда, требовалось незаметно и бесшумно подойти к браконьеру поближе. Наш катер шел к шхуне со всеми погашенными огнями в ночной темноте. А вблизи давал полный ход, врубал прожектора — и начиналась проверка боевой техники: пушка устрашающе крутила стволами, и мы задерживали браконьеров в панике! Я был штурманским электриком, отвечал на катере за навигационную технику — эхолот и так далее.

— А вообще много где довелось побывать?

— В двух странах даже возникало стойкое ощущение, что я здесь когда-то жил. Это Англия и Китай. После того как демобилизовался, в северо-восточном Китае провел месяцев пять.

— Это когда отец снимал там «Ургу»?

— Да, а я работал у него помощником режиссера. И все там казалось родным — ведь наша экспедиция находилась недалеко от российской границы, в районе города Хайлар, на территории, которая издавна называлась у нас Маньчжурия. В начале прошлого века там была огромная колония русской эмиграции, КВЖД, на которой в 20-х годах работал мой прадед по грузинской линии — отец моей бабушки Лили Вертиной, и она родилась неподалеку, в Харбине.

— Там осталось что-нибудь от русских?

— До сих пор в тех краях улицами стоят бревенчатые избы-пятистенки, построенные русскими, хотя теперь в них живут китайцы. Я общался там с глубокими стариками, которые хорошо говорят по-русски, потому что служили по хозяйству у наших соотечественников.

— А куда вы подались после службы?

— Поступил в Институт иностранных языков и учился там некоторое время. Однако оказалась семейная традиция: главную путевку в жизнь я получил,

окончив Московскую киношколу, созданную на основе Высших режиссерских курсов ВГИКа, в мастерской моего отца.

— С чего началась ваша творческая деятельность?

— В начале 90-х мы с Федей Бондарчуком открыли студию «Арт Пикчерс групп». Тогда у нас в стране клипы еще не снимали, мы стали пионерами в создании музыкальных видеороликов для исполнителей. Ввели само понятие видеоклипа и, меняя традиционные телетехнологии в той области, стали снимать на кинофильмы. Привлекли отличную профессиональную молодежь, художников, операторов из ВГИКа, чтобы получались современные музыкальные вещи. Первой работой стал невероятно нашумевший по тем временам клип Наталии Ветлицкой «Посмотри в глаза».

— Наверняка вы ловили на себе скептические взгляды киношников.

— Еще какие! Но уже в 1993 году «Арт Пикчерс» наградили премией «Овация» за лучший видеоклип года «Кто сказал» Владимира Преснякова. На Международном фестивале видеоклипов «Поколение-93» третью премию получил наш «Come together» — это Бэ Гэ и Джоанна Стингней, а вторую — «Дождь» певицы Лики. В 90-е мы заняли много призовых мест, и по ходу дела наш проект стал бюджетным, а в «Арт Пикчерс» подобрались дружная команда профессионалов разных направлений. Захотелось чего-то большего, общественных проектов...

— А как же кино?

— Художественной кинодеятельностью мы не занимались. В те времена кино находилось в большом провале, прибыли не приносило, инвестиций не было, фойе многих кинотеатров превратились в мебельные или автосалоны. В начале 2000-х киносеть стала восстанавливаться — появилась хоть какая-то окупаемость. И в 2002 году мы участвовали в продюсировании трех полнометражных картин. Все они — о современной российской жизни. Две из них открыли новые режиссерские имена. Это дебютный фильм Филиппа Янковского «В движении» — мелодрама, переходящая в экши. Филипп, сын Олега Ивановича Янковского, окончил Школу-студию МХАТа, учился на режиссерском факультете ВГИКа, начал работать вместе с нами в «Арт Пикчерс». Его первая роль в кино — Алеши (в детстве) в фильме Андрея Тарковского «Зеркало», недавно в фильме Александра Абдулова «Бременские музыканты» сыграл Трубадура. В его картине «В движении» снялись Константин Хабенский, Оксана Фандеева, Михаил Ефремов, Федор Бондарчук.

«Гололед» Михаила Брашинского стал дебютом в режиссуре известного кинокритика, его жанр лучше всего обозначить как саспенс. И третья картина — «Дневник камикадзе» Дмитрия Месхиева — это психологическая драма с элементами детектива. Все фильмы хорошо оккупились и были похвально отмечены критикой, удостоились призов. Филипп Янковский получил заказ на съемку фильма по книгам Акунина, где играют Никита Михалков и Олег Меньшиков.

— Да вы просто режиссер жизни...

— Ты смотришь за залом, оцениваешь каждую компанию.

Степан и Алла Михалковы — наверное, трое их детей растут сразу под «Дядю Степу», «Трех пажей» и «Сибирского цирюльника».

ФОТО АЛЕКСАНДРА АРТЕМЧУКА

— Так ведь нужно иметь прозвание, талант артиста, которых я не имею. Хотя, например, дар рассказчика у меня есть. Что касается режиссуры — в ее никогда не поздно прийти, даже и в 40-50 лет, для этого нужен жизненный опыт. Пока же я воплощаю свои амбиции в ресторанном бизнесе.

— Чего это вдруг?

— Владелец ресторана — тоже своего рода режиссер, он творчески работает на досуг людей. Например, при входе в ресторан «Ваниль» вы непременно уловите ее легкий аромат... Время-препровождение в ресторане очень походит на мизансцены в кино: один посетитель смотрит в окно, другой — на входящих гостей, кого-то ждет. Хорошее у него настроение или плохое?

Склонен он поговорить или хочет побить один? Гость может хотеть, чтобы его видели, а может, наоборот, забиться в угол. Ресторатор должен на все это правильно реагировать. Тут своя драматургия отношений.

— Да вы просто режиссер жизни...

— Ты смотришь за залом, оцениваешь каждую компанию.

Создаешь визуальную картинку для гостя, обращая, например, внимание, куда падает свет, и делаешь его ярче или приглушеннее. В отношениях гостя и официанта тоже есть своя драматургия, поэтому все официанты должны обладать соответствующими навыками поведения и даже психологического анализа.

— Ваш дед Александр Вертинский много работал в кабаре...

— Вот кто своими песнями умел создавать неповторимую атмосферу! В ресторане «Вертинский» я собираюсь поставить отреставрированный старый рояль, чтобы вживую звучал шансон. У каждого из трех моих ресторанов, стоящих рядом на Остоженке, свой круг гостей: я не люблю слово «клиенты». Постоянных посетителей знают по именам, для них складки, они и создают клубность. В «Ванили» работает повар-француз, в «Вертинском» — китаец. В «Снобсе» — Ричард Нит, наверное, самый именитый шеф в Москве, единственный, кто получил мишленовские звезды по самой престижной классификации ресторанов. Раз в три месяца

он составляет для нас полноценное новое меню.

— Говорят, бизнес со временем утомляет творческого человека.

— В свое время я дал себе слово заниматься тем, что доставляет мне удовольствие, и делать из этого бизнес. А я с детства бывал в ресторанах, эта атмосфера у меня в подсознании. Как только появилась возможность — я стал осуществлять идею.

— В этом году исполнилось 115 лет со дня рождения знаменитого певца, композитора, поэта Александра Вертинского. Как вы отметили дату в ресторане его имени?

— Ресторан «Вертинский» был целиком заполнен на следующий день после его открытия... А любовь к Китаю во мне живет с семейных еще наших разговоров о Шанхае. Я хотел даже связаться в Шанхай бабушку Лилю Вертинскую. Но когда дошло до дела, она отказалась: боится, что современный Шанхай, который она видит по телевизору, заслонит перед ней образ города, где у них с Вертинским был роман.

Мы даже интерьеры ресторана создали на основе того, что я видел в тамошнем музее — в неоклонопианном стиле: европейская классика соседствует с восточными мотивами. Дубовый бар, похожий на старинный английский буфет, отделан китайской резьбой. Стены, обитые шелком темно-коричневых тонов, украшены снимками Александра Вертинского и виды Шанхая и Харбина начали прошлого века, специально «состаренные» в студии Владимира Клавихо. О Серебряном веке напоминает огромная люстра с балдахином под стеклянным куполом. У входа в ресторан расположены китайской лавки начала прошлого века, где продаются редкие вина, сорта чая и ручные конфеты, которые мы сами делаем. Той осенью провели презентацию компакт-диска Александра Вертинского в современной лаунжевой обработке. Ресторан на вечер преобразился в заведение, напоминающее популярные в 10-х годах XX века в среде петербургской богемы артистические кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». 22 января в «Вертинском» отмечали китайский Новый год — превратили Остоженку в китайский квартал, по которому ходили буддийские монахи и летали драконы. В марте интересно прошли вечера романса с участием Екатерины Жемчужной, Зураба Соткилавы, Нани Брегвадзе.

— Как избежать пошлости?

— В одном из интервью моя мама сказала, что очень легко жанр, в котором пел Вертинский, сделать эстрадно-поповым: «Ну прошло время, ну был Вертинский, а теперь давайте споем эти песенки, чтобы их поняли и Клава, и Маня...». Это так же бессмысленно, как, например, начать обескультуривать Пушкина». И все же я думаю, что деятельность подлинных поклонников моего деда окультуривает и клав, и маня.

— Все праздники вы теперь отмечаете в собственных ресторанах?

— Дома у нас гости тоже всегда собираются, хотя бы раз в неделю, на выходные. Мы ужинаем, смотрим кино или футбольный матч. Я, наверное, унаследовал от деда и отца эту любовь к постоянным компаниям. И дети уже привыкли, они спрашивают к концу недели, кто у нас будет, потому что для них это значит, что гости приедут со своими детьми. У нас свой гость, у детей — свои. И когда мы куда-нибудь едем, я тоже с собой приглашаю друзей... В свободное время на Николиной Горе в Подмосковье, где я живу, занимаюсь спортом: играю в большой теннис, футбол.

Дом и фамильное гнездо так много значат! Я рад, что в башкирской квартире на Тверской, где они жили с дедом, все осталось в неприкосненности. Эта квартира всегда была для меня старой-старой. То ли из-за мебели, то ли из-за потолков, которые вечно текли. Кабинет деда надо видеть! Сумасшедших размеров казался для меня тогда маленького, этот кабинет. В детстве я любил забираться за письменный стол — гигантский, с наполеоновским вензелем, очень-очень красивый, там много разных приборов... Для меня связь с моими предками — Михалковыми, Кончаловскими, Суриковыми, Вертиńskими — очень ответственна и драгоценна во всем.

Беседу вел Владимир ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ